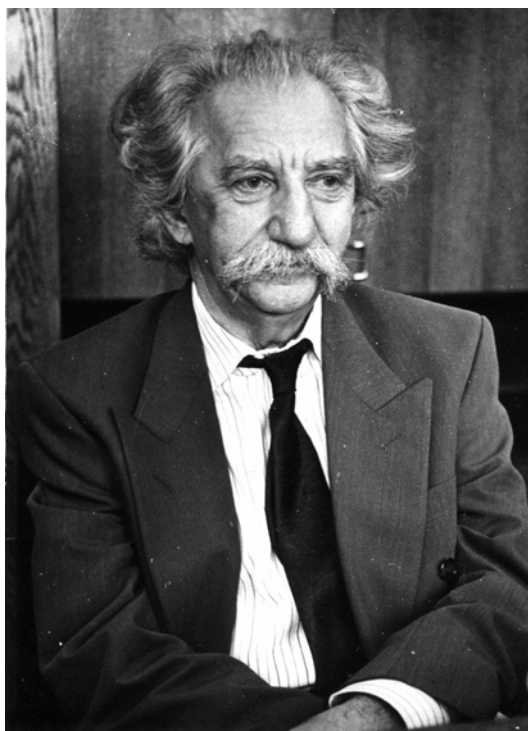

Леонид Столович
Профессор Тартуского университета

Воспоминания о Юрии Михайловиче Лотмане

С Юрием Михайловичем Лотманом я познакомился по приезду в Тарту, хотя еще в Ленинграде слышал об очень талантливом человеке, который после окончания филологического факультета ЛГУ уехал в этот университетский город. У нас оказались общие знакомые, знавшие его по факультету, и от них я получил рекомендательное письмо для знакомства.

Жену Юрия Михайловича – Зару Григорьевну Минц я знал еще с 1949 года, так как новый, 1950 год, мы встречали в одной компании, в доме сокурсницы моего школьного друга Яши Любарского – Норы Тронской. На самом деле Нора, как и ее отец, известный архитектор Ной Абрамович, была Троцкая, но носители этой троцкистской фамилии – среди них был и автор «Истории античной литературы И.М. Тронский – вынуждены были маскироваться под фамилией «Тронский». Почти всю новогоднюю ночь мы с Зарой проспорили по проблеме типологии литературы: правомерны ли такие понятия, объединяющие писателей и их произведения, как «классицизм», «романтизм», «реализм». Я уже сейчас точно не помню, что кто отстаивал, но спор был азартный. И потом мы часто любили спорить, притом, вполне дружелюбно. Юрий Михайлович пошучивал над этими спорами и остроумно их пародировал, показывая, как Зара и я, в очередном споре прогуливались на улице под окном комнаты, в которой они жили, и где находился полугодовалый их первенец Миша, поочередно выкрикивали: «Гегель!», «Чернышевский!». Поэтому мы с Зарой сразу перешли на «ты». С Юрием же Михайловичем так и остались на «Вы», но он часто звал меня просто «Лёней» (в именном указателе к «Письмам» Ю.М. Лотмана (М.: «Языки русской культуры», 1997) дано пояснение: «Ленька, Леня – см. Столович Л.Н.»).

Мои, смею сказать, дружеские отношения с семейством Лотман-Минц продолжались до самой кончины Зары в 1990 году и Юрия Михайловича в 1993-ем. Я часто навещал их и с глубочайшей благодарностью вспоминаю их моральную (и не

только!) поддержку в то время, когда я, снимая угол, читал лекции «по часовой оплате», не удостоенный чести быть устроенным на какую бы то ни было «штатную должность». Юрий Михайлович и Зара Григорьевна окончили Ленинградский университет на два года раньше меня. Это им позволило получить работу в Тартуском Учительском институте, притом что родной их город на Неве был для них закрыт. Я же, приехавший в Тарту во время начавшегося «дела врачей», не мог устроиться даже на должность лаборанта. Все личные и государственные праздники мы проводили вместе. Сколько было сказано–пересказано друг другу! Сколько было шуток и подшучиваний друг над другом! Именно «другом», а не кем-либо другим.

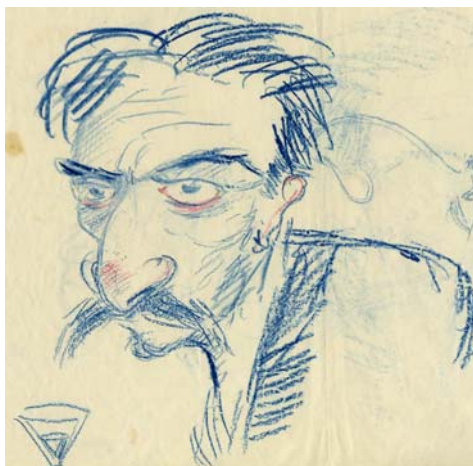
**Рисунок Ю.М. Лотмана Л.Н. Столовича,
сделанный в середине 50-х годов во время одного теоретического семинара на
кафедре русской литературы**

Юрий Михайлович Лотман, которого коллеги звали *ЮрМих'ом*, стал легендарной личностью задолго до своей кончины. Сейчас его имя можно встретить, не говоря уже о научной литературе, в которой он признан классиком, и в стихотворении, и в романе, и, конечно же, в публицистике. Эта легендарность, при всей ее значимости и справедливости, таит в себе одну опасность: человек-миф утрачивает живые человеческие черты. Этой метаморфозе я посвятил двестише

**Всех филологов затмив,
Был ЮрМих, а стал ЮрМиф.**

Но Юрий Михайлович обладал живой человечностью в высшей степени. Может быть, особенно это проявлялось в его отношении к юмору. Он был необычайно остроумным человеком. Его остроумие было органичным, оно прорывалось в различных ситуациях, подчас отнюдь не веселых. Но, как однажды заметил Зиновий Паперный, это не правда, что юмор нам помогает жить. Юмор помогает *выжить*. Помогал он в этом и Лотману. Вместе с тем, в его юморе был заряд удивительного чувства жизни и критического отношения к тому, что этого заслуживает.

Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича четыре десятилетия и среди того, что сохранилось в памяти, имеется несколько эпизодов, которые высвечивают его и без того светлую личность с необычной стороны. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он бы не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутивно. В его талантливых рисунках преобладают автошаржи.

Ю.М. Лотман. Автошарж
(из собрания Л.Н. Столовича)

Однажды, придя к нему, я увидел иронический автопортрет, изображенный... повешенным на веревке, другой конец которой был прикреплен через перекладину к большой плите. И надпись: «Повесился на Блоке». Крупнейшая специалистка по творчеству Блока незабвенная Зара Григорьевна Минц, жена Юрия Михайловича, озорно улыбаясь, разводила руками...

«Вопросы философии»

1956 год. Юрий Михайлович послал в журнал «Вопросы философии» статью о Радищеве. Я тоже в этот же журнал послал свою статью. Когда мы встречались, то обменивались информацией, пришел ли ответ из редакции. Его долго не было. Однажды Юрмих меня утешил:

– Это же *вопросы* философии, а не *ответы*!

Процесс есть процесс

1966 год. «Оттепель» сменили заморозки. В Москве судят писателей Синявского и Даниэля. До Тарту волна пока не докатилась. Летом благополучно состоялась вторая «летняя школа» по семиотике. Но новая у нас отрасль знания начинает вызывать повышенный интерес у литературоведческих ортодоксов: появляется новый идеологический противник. Однако прежнего единодушия нет. И среди филологов, и даже философов немало тех, кто сочувствует методологическим поискам «Тартуской школы». Меня пригласили оппонировать в Ленинградском университете философскую диссертацию «Художественный образ как процесс», в которой автор солидаризируется со взглядами Ю. М. Лотмана на знаковую природу искусства. Рассказываю об этом Юрию Михайловичу.

– Как называется диссертация? – Спрашивает он.

– «Художественный образ как процесс».

– Это что, о Синявском?

Пророческая шутка

Конец 60-х гг. Мой минский коллега Н. И. Крюковский прислал мне свои тезисы о системе эстетических категорий и просил показать их Ю. М. Лотману. И вот я иду к Юрию Михайловичу за ответом и застаю у него гостей – Бориса Андреевича Успенского и Александра Моисеевича Пятигорского. Хозяин и гости собирались выйти в город. Идем мы по улице Кастаны, и я спрашиваю Юрия Михайловича о переданных ему тезисах.

– Прошу меня простить, – говорит Юрий Михайлович, – но я их куда-то задевал. Все чего-то пропадает.

– Не беспокойтесь, Леонид Наумович! – утешает меня Успенский. – Я посмотрю у себя. Когда Юрий Михайлович посылает мне письмо, он обычно вкладывает в конверт все, что лежит у него под рукой.

Юрий Михайлович виновато-хитровато усмехается в усы и замечает:

– Такой, знаете, беспорядок! Не знаешь, что и где лежит. Надо наверно попросить произвести обыск!

Все весело засмеялись и согласились, что без обыска не найти нужные бумаги...

Но через некоторое время обыск на квартире у Лотмана действительно состоялся.

«Нашел пятак...»

Лето 1972 г., поселок Валгеметса. Я приехал из Тарту и привез свежий номер «Литературной газеты». В этом номере от 9 августа 1972 г. было напечатано «открытое письмо» верноподданного партийного публициста Александра Кривицкого в западно-германскую газету «Дер Тагесшпигель», в котором гневно разоблачаются утверждения немецкого журналиста Вольфганга Крауса о том, что в Советском Союзе нет свободы слова и мысли. В качестве примера такой «свободы» Кривицкий приводит серию ученых записок Тартуского университета под общим названием «Труды по знаковым системам». Эта информация явно предназначалась «на экспорт»: вот де какая у нас свобода, публикуем работы и по семиотике, хотя «здесь многое еще спорно, далеко не все убедительно в равной мере». Кривицкий, разумеется, умалчивает, что по поводу зарубежных и отечественных структурно-семиотических исследований уже прозвучали руководящие окрики, появились разоблачительные статьи в столичных журналах, что каждая публикация стоит невероятных усилий, а в Тарту существовал далеко не типичный для всей страны оазис, на который после 1970 г. тоже надвигалась пустыня.

Спешу поделиться с Юрием Михайловичем, который в это время был в Валгеметса, публикацией в «Литературной газете». Он слушал напряженно, ожидая очередной удар по семиотике. Но когда узнал, что на этот раз его не поносят, а Кривицкий даже приводит «Труды по знаковым системам» в качестве положительного примера, брезгливо бросил:

– Фу, нашел пятак в говне!

Где место санитарного врача?

В середине 70-х годов по Москве поползли слухи, что Ю. М. Лотман собирается эмигрировать за границу. Такого рода разговоры, запускаемые официальными и неофициальными недоброжелателями, помогали ужесточить обстановку вокруг подозреваемого в «измене родине», ибо только так официально рассматривалось намерение уехать на Запад или Ближний Восток. Намеренно распускаемые слухи, даже если они были «дымом» без «огня», приносили немало вреда: мешали публикациям книг и статей, зарубежным поездкам, создавали соответствующую «репутацию» и т. п. (В Эстонии была популярна формула: «Ходят шлюхи»). Юрий Михайлович уже давно был

«невыездной» и многочисленные приглашения на зарубежные поездки складывал в папку с надписью: «Письма к русскому путешественнику». Слух в отношении эмиграции Лотмана казался тем более правдоподобным, что немало активных участников тартуских «школ» и конференций уже находилось за рубежом. Приехавший в Тарту литературовед и культуролог Георгий Гачев, когда мы с ним пришли навестить Юрия Михайловича, решил проверить достоверность этих слухов и задал вопрос, что называется, «в лоб»:

– Юрий Михайлович, Вы не собираетесь уехать?

Ответ на него прозвучал такой:

– Видите ли, Георгий Дмитриевич, я занимаюсь русской культурой и мое место здесь. Место санитарного врача в бараке. Там, среди клумб, может оно и приятней, но место – в бараке.

И как бы обосновывая свое понимание долга, Юрий Михайлович обратился к примеру из армейской жизни, памятной ему со времени Отечественной войны:

– Вот поставили часового у склада и он должен стоять. Что на складе, неважно. Может быть снаряды. Может быть говно. Но раз поставили, значит нужно стоять.

Кстати, в конце войны Юрий Михайлович был поставлен охранять военнопленного немецкого офицера, как оказалось, аристократа. И этот офицер-аристократ был потрясен тем, что охраняющий его простой молодой солдат читал французскую книжку. Дело в том, что этот молодой солдат, чтоб не терять время, учил французский язык. Немецкий он уже знал, так как учился в Ленинграде в немецкой школе, так называемой Peter-Schule.

Немецкая и русская бюрократия

Как-то, не помню уже по какому поводу, Юрий Михайлович задался вопросом: «В чем состоит отличие между немецкой и русской бюрократией?» и следующим образом ответил на него.

– В Германии приказ, данный сверху, идет вниз до последней инстанции, которая его осуществляет. В России же ниспосланный сверху приказ спускается вниз, доходит до последней инстанции, а инстанция идет к бабе. – И помолчав добавил:

– Может в этом наше спасение.

В наших отношениях ни разу не было ни одной ссоры или серьезной размолвки, но наши поиски истины шли в разных направлениях. Я как философ по образованию стремился, прежде всего, *теоретически* осмыслить художественный материал. Сейчас я хорошо понимаю, что это было излишне самонадеянно, тем более с тем методологическим багажом, которым наградил меня университет им. А.А. Жданова. Но в то время я был одержим разрабатываемой мной тогда концепцией эстетического отношения, которая после моей диссертации «Некоторые вопросы эстетической природы искусства» (1955) и статьи «Об эстетических свойствах действительности» («Вопросы философии», 1956, № 4) вызвала неожиданно для меня самую огромную дискуссию об эстетическом. Об этой дискуссии я писал в очерке **«Начало дискуссии об эстетическом. Исповедь “общественника”»**, опубликованном в моей книге **«Философия. Эстетика. Смех»** (С.-Петербург – Тарту, 1999, с. 109-178)..

Юрий Михайлович же до начала 60-х годов, когда он открыл для себя семиотику, с пренебрежением относился к теории и вообще к философии. Наверно, понятным основанием для такого отношения было воистину жалкое состояние советской философии, пережевывающей марксистско-ленинскую жвачку. Только позже он узнал, что в самой советской философии в послесталинское время вызревали новые недогматические тенденции. Уважительно Ю.М. воспринимал тогда только историю философии как часть истории культуры. Ею он не только интересовался, но и творчески занимался, исследуя мировоззрение просветителей XVIII – начала XIX века, особенно

Радищева и Руссо. Но основная сфера тогдашних изучений и исследований Ю.М. – живая история литературы и культуры прошлого и позапрошлого (с точки зрения XX столетия) веков. Он попытался меня склонить к чисто историческому подходу к самой философии, предложив мне тему диссертации, когда я решал, чем непосредственно заняться, по малоисследованным воззрениям русского шеллингианца М.Г. Павлова. Но я тогда твердо решил «идти путем другим» и Ю.М. в этом плане, как говорится, махнул на меня рукой, продолжая по-прежнему дружески ко мне относиться.

Мне всегда было очень интересно то, чем занимался Ю.М. Он дарил мне с теплыми надписями оттиски всех своих публикаций и я их читал с большой пользой для себя. Преимущественный интерес к теории для меня, разумеется, не исключал изучения истории. Я написал несколько историко-эстетических работ, к которым Ю.М. отнесся одобрительно и даже рекомендовал своим коллегам. Когда же Ю.М., еще недавний отвергатель теорий, сам начал осенью 1960 года читать *теоретический* курс по структуральной поэтике, из которого затем возникла его ставшая знаменитой книга «Лекции по структуральной поэтике. Вып. I (Введение, теория стиха)», составившая первый том прославленных «Трудов по знаковым системам», я не пропускал ни одной лекции. 26 сентября 1960 года Ю.М. писал своему ближайшему другу *Борису Федоровичу Егорову*: «Я здесь барахтаюсь во взбаламученном море органических остатков, но читаю курс “Теории”, где крою напролом. Ленька и Зара ходят на каждую лекцию (хвала Ленькиной незлобивости, я бы ни за что не ходил!), Зара все стенографирует – переверну науку!» («Письма», с. 172).

Когда же Ю.М. приступил к написанию «Лекций по структуральной поэтике», он почувствовал себя дискомфортно, так как должен был вступать на теоретическую стезю, которую сам не жаловал и которая ассоциировалась со мной как ее ближайшим олицетворением. 30 августа 1961 года он сообщает Борису Федоровичу: «Мотаюсь, волнуясь, а книгу пишу – пахнет Столовичем за десять верст, аж самому смéшно» («Письма», с. 132). К этому месту *Б.Ф. Егоров* (он – составитель и комментатор подготовленного текста писем Ю.М.) делает следующее примечание: «Ю.М. с долей иронии относился не только к Л.Н. Столовичу, но и ко всем нашим философам, считая, что они слишком теоретизируют, игнорируя конкретные факты. А в эти месяцы Ю.М. сам начал свою первую теоретическую книгу, обозначенную как 1 том новой серии ТГУ “Труды по знаковым системам”: “Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. Введение, теория стиха” (книга вышла в 1964 г.)». Эту книгу, пахнувшую «Столовичем за десять верст», Ю.М. подарил мне с надписью:

Дорогому Леониду Наумовичу Столовичу от сердечно его уважающего
Ю. Лотмана –
Парту
30.XI.64.

За почти три десятка лет, прошедших с тех пор, многое изменилось, но не менялось благорасположение ко мне Ю.М., как и мое глубочайшее уважение и дружеская симпатия к нему. Я старался, чем был способен, помогать ему и тому возглавляемому им направлению в семиотике, которое получило наименование «Тартуская школа». Он приглашал меня на все конференции, семинары, а также летние школы по так называемым «Вторичным моделирующим системам», порой даже доверял вести отдельные заседания. По его просьбе я написал рецензию на 2-ой, уже коллективный, том «Трудов по знаковым системам». Когда же эту рецензию, посланную в «Вопросы философии», журнал не опубликовал, я переслал ее в парижский журнал «Revue d'Esthétique» (1969, N. 1, p. 102-106), который ее напечатал под названием: «**Les recherches sémiologiques et l'esthétique**». На испанском языке она вышла в свет в журнале «Santiago (Santiago de Cuba)», 1972, No.

6, p. 246–254. Своей «внутренней» рецензией я помог выходу в свет в 1970 году в издательстве «Искусство» книги Л.Ф. Жегина «Язык живописного произведения (Условность древнего искусства)» с большим предисловием и комментариями Бориса Андреевича Успенского – близкого друга и соавтора целого ряда трудов Ю.М. Само собой, ни одну просьбу Ю.М. я не оставлял без внимания, о чем он писал, например, 28 июля 1969 года *Борису Андреевичу* (см. «Письма», с. 500).

Вспоминается в этой связи такой эпизод. После того, как я в 1966 году стал единственным в Эстонии доктором философских наук, меня назначили Председателем экспертной комиссии по общественным наукам. Деятельность этой комиссии была чисто формальной, так как экспертные комиссии были призваны охранять государственные секреты, которых в области общественных наук вроде бы не было. Но наша комиссия должна была давать свое заключение на пересылку научных работ для зарубежной публикации. И в этом плане особых проблем не было. Но вот однажды, в конце 60-х годов, меня вызывает проректор по научной работе университета и от лица ректората требует объяснения, на каком-то основании я поставил свою подпись под актом экспертизы, разрешающем посылку в Италию статьи Ю.М. Лотмана «Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков». «Статья Лотмана, – говорю я, – не разглашает никаких государственных тайн». «Но на нее есть резко отрицательный отзыв в Таллинне». Прошу показать мне этот отзыв. Мне дают многостраничный идеологический донос на Лотмана, явно инспирированный ЦК партии Эстонии, автор которого засекречен. Своей некомпетентностью и просто безграмотностью этот «отзыв» вызывает у меня только усмешку. Проректор, сам по себе человек порядочный, просит меня написать объяснительную записку тогдашнему ректору – А.В. Коопу. Беру бумагу и пишу: «Еще раз подтверждаю свою подпись под актом экспертизы статьи Ю.М. Лотмана». Моя строптивость последствий не имела, но статью послать за границу ректорат не разрешил. Ю.М. опубликовал эту статью в 1-ом выпуске своего ротапринтного сборника «Статьи по типологии культуры», изданного в 1970 году. Такая публикация позволяла печатать статью за границей без какого-либо разрешения. Я получил в подарок этот сборник с надписью на титуле:

Дорогому соратнику и союзнику Леониду Жаумовичу Столовичу с любовью

Ю.Лотман

8.VI.70.

Со своей стороны Ю.М. и мне помогал, чем мог. 29 марта 1975 г. Ю.М. написал на французском языке рекомендацию для издания моих работ за границей, а в 1992 г. он дал рекомендацию для моей поездки на XII Международный конгресс по эстетике в Мадриде.

При этом наши теоретические воззрения были близкими, но не тождественными. Ю.М. и его единомышленники видели в семиотике единственное средство для научного осмысления гуманитарного знания. Лотман рассматривал семиотику как *научную дисциплину*, объект которой он, вслед за Ф. Соссюром, определял в качестве сферы «знакового общения». Притом, он проводил различие между семиотикой как *наукой* и как *методом* гуманитарных наук, справедливо полагая, что «один и тот же научный объект допускает и семиотический и несемiotический подход». Разумеется, для Ю.М., еще до 60-х годов, до перехода в семиотическую «веру», получившего репутацию серьезнейшего исследователя своими конкретными историческими трудами, это было очевидно. Но в то же время, исходя из своего опыта, он отмечает в связи с семиотикой «своеобразие научной психологии исследователя», в силу которой «все, привлекающее внимание исследователя-семиотика, семиотизируется в его руках» (*Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. – М.: «Языки русской культуры», 1996, с.5-6*).

Мне были чрезвычайно интересны семиотические исследования, проводившиеся «Тартуской», или, как потом ее именовали, «Тартуско-Московской» школы. Но для меня семиотический аспект культуры и, в частности искусства, не был универсальным и единственно правомерным с научной точки зрения, а представлял собой важный, но *один из* столь же правомерных аспектов *системы* культуры или искусства. Это и давало основание одному из активных участников летних семиотических школ Ю.И. Левину писать в своих воспоминаниях о том, что «появившиеся на летних школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг» («Новое литературное обозрение», 1993, № 3, с. 43). Разумеется, социолог Ю. Левада не собирался семиотикой подменить социологию, а Ваш покорный слуга, при всем уважении к семиотическим исследованиям и понимании их важности *в системе* различных видов научного знания, не считал семиотический метод универсальным. *Семиосфера*, разработка понятия которой составляет одну из несомненных научных заслуг Ю.М. Лотмана, конечно же существует, однако не может покрыть собою все иные сферы – *ноосферу* (сферу разума), *аксиосферу* (сферу ценностей), *пневмосферу* (гипотеза П.А. Флоренского о существовании «вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства»), не говоря уже об *атмосфере* и *биосфере*.

Были у меня претензии к нашим семиотикам и в связи с тем, что они, по крайней мере, на первых порах, в своей теории продолжали пренебрегать философией, позитивистски подменяя ее семиотикой, игнорируя, по словам А.Ф. Лосева, «философский анализ предмета» (*Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию.* – М.: Издательство Московского университета, 1982, с.243). Правда, семиотики и в этом отношении проделали определенную эволюцию и стали выходить на философские рубежи (свое понимание этого процесса я старался изложить в статье «А.Ф. Лосев о семиотике в Тарту», опубликованной в 8-ом выпуске «Нового литературного обозрения» за 1994 год).

К Ю.М. Лотману это относится особенно. Его теоретические воззрения не были статичными. Он никогда не ограничивался формальной семиотикой. Уже в начале своих семиотических исследований он сочетал семиотику с теорией моделирования (понятие «моделирующая система»), трактуя образы искусства не только как *знаки*, но и как *модели*. Неудовлетворенность существовавшим уровнем семиотики вела его к подключению к гуманитарным исследованиям достижений естественно-научных и междисциплинарных областей знания (теория информации, кибернетика, теория систем и структур, учение о функциональной асимметрии мозга, синергетика). Неслучаен был его выход из литературоведения в культурологию. В своей первой лекции спецкурса «Семиотика культуры», прочитанной им 7 марта 1991 года, он говорил (его мысль я записал слово в слово): «Нельзя заниматься семиотикой, оставаясь в рамках семиотики»; «Семиотик должен быть историком»; «Полезно иметь разные языки описания. В культуре много языков. Иначе слепой ведет слепых». Из года в год, особенно в последний период жизни Ю.М., повышался философский градус его трудов и, я не сомневаюсь, проживи он еще, философский накал его размышлений был бы очень значителен. Но уже сделанного им достаточно, чтобы лотманологи обсуждали философскую позицию Лотмана: был ли он платоником или кантианцем, гегельянцем или же очищенным от вульгаризаций марксистом. Так или иначе, его имя уже вносится в словарь русской философии («Русская философия. Словарь», М., 1995) и в библиографический словарь «Философы России XIX–XX столетий». Не буду скрывать, что эти словарные статьи написаны автором этих строк.

В конце 2003 года издательство «Macmillan Reference USA» заказало мне статью о Лотмане для второго издания Американской Философской энциклопедии (ENCYCLOPEDIA OF PHILOSOPHY). Статья, в которой я подытожил свои многолетние раздумья о философских воззрениях Лотмана, мною была написана. Однако соответствующий том должен выйти только в 2005 году. Поэтому я воспроизведу ту часть

своей статьи, в которой речь идет о его философской позиции (без библиографических ссылок):

«Лотман не декларировал свои философские взгляды. В досемиотический период своей деятельности философия интересовала его только как предмет исторического изучения. Но семиотические и культурологические исследования предполагали теоретико-философское самоопределение. Лотман обладал большой философской эрудицией, изучал воззрения Мабли, Руссо, Радищева, мастерски выявлял философский эквивалент творчества писателей. Его собственные философско-методологические взгляды прошли определенную эволюцию. В 60-е годы сторонники «тартуской школы» стояли на позитивистских позициях, полагая, что семиотика и есть их философия. В дальнейшем у Лотмана начались поиски философии, которая бы соответствовала его семиотической культурологии. Он обращается к монадологии Лейбница, считая, что семиосфера состоит из множества «семиотических монад» как интеллектуальных единиц, носительниц Разума. По его словам, «человек не только мыслит, но и находится среди мыслящего пространства, так же как носитель речи всегда погружен в некое языковое пространство». Признается существование внешнего мира, но и он «активный участник семиотического обмена». Бог для Лотмана – общезначимое явление культуры. Уважительно относясь к религии, сам он был теологическим агностиком.

Лотман чутко воспринимал идеи различных мыслителей – Лейбница, Руссо, Канта, Гегеля, Фрейда. Он впервые опубликовал в 1967 и 1971 гг. в «Семиотике» некоторые труды русского религиозного философа и ученого П. Флоренского, репрессированного советской властью. Сочувственно отнесся к концепции диалога М. Бахтина. Однако собственные философские воззрения Лотмана нельзя свести к какой-либо одной известной системе, будь то платонизм или кантианство, гегельянство или марксизм. Они могут быть определены как вид «системного плюрализма», предполагающего сочетание в определенной системе разнородных идейных компонентов.

Живя и получая образование в СССР, Лотман не мог не чувствовать воздействие марксизма. Он воспринял ту сторону марксизма, которая была усвоена им от диалектики Гегеля, принцип историзма и учет социального фактора в развитии культуры. Но идеологическое содержание марксизма было ему чуждо».

Если Ю.М. двигался, говоря схематично, от истории к теории, в том числе философской, то мой путь развития был обратным: от философско-эстетической теории к историческим изучением, хотя главным образом в области истории философии. Ю.М. одобрительно относился к моим историко-философским интересам: к поиску архива Канта, к занятиям историей эстетики и аксиологии – теории ценностей, к изучению русской философской мысли. За полтора года до своей кончины он написал предисловие к моей книге «Красота. Добро. Истина. *Очерк истории эстетической аксиологии*», которая вышла в свет в московском издательстве «Республика», уже после его смерти – в 1994 году.

На мой взгляд, творчество Ю.М. «не делится без остатка» на его теоретические рассуждения. Можно соглашаться или не соглашаться с теоретическими построениями Ю.М. (хотя даже и в случае несогласия нельзя не восхищаться его творческой оригинальностью), но и в своих напечатанных трудах и, особенно в своих устных выступлениях он буквально захватывает вживанием в конкретный материал, увлекает новизной самого этого исторического материала, тонкостями житейских наблюдений, благородством нравственной позиции. Этим обусловлена необычайная популярность его телевизионных выступлений с беседами о русской культуре.

Я очень любил слушать лекции и доклады Юрия Михайловича и Зары Григорьевны, посвященные поэзии и поэтам. Это как бы возвращало меня в мою

поэтическую юность, тем более, что учителем Зары был тот самый *Дмитрий Евгеньевич Максимов*, который сыграл такую большую роль в моем поэтическом самообразовании. Сам *Дмитрий Евгеньевич* иногда приезжал в Тарту на организованные Зарой Григорьевной Блоковские конференции. Когда я возобновил свое стихотворное творчество, каждое новое стихотворение я читал Ю.М. и Заре. Их одобрительное внимание к моим стихам меня подбадривало, а они даже просили, чтобы я каждое новое стихотворение передавал им в рукописи. В этой благожелательной атмосфере Ю.М. и написал предисловие к первой публикации моих стихотворений в университетской газете.

Первая подборка моих стихотворений, в которую вошли «Оттепель» (1946), «Осень» (1980), «Простота» (1980), «Могила Канта» (1980), была опубликована в газете «ТГУ – Тартуский гос. университет» от 28 ноября 1980 г. под рубрикой **ARS**. Предисловие к этой подборке написал *Юрий Михайлович Лотман*. Вот его текст:

Возраст – вещь относительная, особенно у поэтов. Есть поэты молодые, есть поэты маститые, есть поэты вечно юные. Иногда маститые поэты – сущие младенцы как мыслители и наоборот. В последнем случае их называют поэтами-философами.

Леонида Наумовича Столовича не надо представлять читателям «ТГУ» – все они знают его как ученого, опытного лектора, остроумного собеседника. Настоящая публикация открывает им его новую сторону – как поэта. Часть из публикуемых стихотворений написана Л. Н. Столовичем в 1946 г., – часть – в 1980 г. Таким образом автор выступает перед нами как юный и маститый поэт одновременно. А еще и как философ – не только как профессор философии, но и как поэт философски мыслящий.

В промежутке между 1946 и 1980 гг. Л. Н. Столович стихотворений не писал – читатели, вероятно, об этом пожалуют. Пожелаем, чтобы следующие плоды его музы появились не с такими интервалами.

Ю. М. ЛОТМАН.

На мой первый юбилей я получил от Ю.М. цветную фотографию царскосельской скульптуры–фонтана «Молочница» с таким его посвящением:

**Дражайшему Леониду Наумовичу –
Вместо запоздалого поздравления к 50-летию**

Стихи к царскосельской «Молочнице»

Дева несла молоко, водою его разбавляя,
Но уронила кувшин. Что ж потекло из него?
Диво! Не сякнет вода, молоко же давно уж иссякло...
Если угодно мораль – можешь сходить в магазин.
Млеко мыслей своих ты носи лишь в железном бидоне
И разбавляй не водой, а водкой за дружным столом.
Деву же ты приспособь к производству молочных продуктов –
Тут источник воды будет уместен вполне.

К 60-летию *Юрия Михайловича* я посвятил ему стихотворение «ТАРТУСКАЯ ШКОЛА». Эпиграфом к нему я взял слова крупного филолога *Ефима Эткинда*:

«Тартуская школа - это структурализм с человеческим лицом».

Как известно, «пражская весна», которая летом 1968 года была задавлена советскими танками, своим идеалом имела «Социализм с человеческим лицом». Возможно, придание социализму человеческого лица было тоже иллюзорным идеалом. Но, тем не менее, это было реальное стремление вырваться из тоталитарного социализма советского типа. Потому-то это стремление вызвало такую жестокую реакцию со стороны социализма с нечеловеческим лицом не только по отношению к самой Чехословакии, но и тем, увы, немногочисленным открытым протестам в самой стране против социализма с

бронетанковым лицом. Наталья Горбаневская, знакомство с которой и было поводом для проведения обыска в доме Лотмана, была из тех «семеро смелых», или «великолепной семерки», которая посмела в знак протеста выйти на Красную площадь (Н. Горбаневская действительно гостила в семье Лотман-Минц, но ее старший сын целое лето провел в этой семье). Ю.М. и З.Г. очень любил Чехословакию, в которой им посчастливилось однажды побывать. У них там были верные друзья и единомышленники, подвергшиеся гонениям после подавления «пражской весны». Смысл афористического определения Е. Эткиндо «Тартуской школы» раскрывается, таким образом, в контексте чехословацких событий.

Но в этом афористическом определении была и другая сторона, связанная с собственно структурализмом. Структурализм – явление непростое. Он был отнюдь не однороден и лицо у него бывало всякое. Среди французских философов-марксистов тоже были структуралисты. И некоторые из них оправдывали вторжение советских танков: дескать надо сохранять существующую структуру. У «Тартуской школы» безусловно было другое лицо.

Вот текст моего стихотворения:

ТАРТУСКАЯ ШКОЛА

*«Тартуская школа - это структурализм
с человеческим лицом»*

Ефим Эткинд

**«Лицом к лицу лица не увидеть».
Профессор из Сорбонны лучше видит,
Хотя, конечно, в самом общем виде,
То, в Тарту до чего рукой подать.**

**Дом на Бурденко. Вот звонок у двери.
Легенда приглашает вас рукой,
Другой мешая в печке кочергой,
И лапу вам дает на счастье Джерри.**

**Здесь в Тарту убеждаетесь вы сами:
Структурализм стал мужем и отцом
С добрейшим человеческим лицом,
С эйнштейново-старшинскими усами.**

**Весною, летом, осенью, зимой,
Презрев все ущемленья и уколы,
И с внучкою своей очередной
Идет спокойно тартуская школа.**

**И счастлив ты, что в Тарту ты живешь,
Бог дал или не дал тебе таланта;
Когда вдруг встретишь Лотмана, поймешь
Того, кто видел в Кёнигсберге Канта.**

28 февраля 1982 г.

Теперь, когда имя Лотмана стало легендой и еще при жизни вошло в ряд

выдающихся имен только что ушедшего века, эти строки не кажутся преувеличением. Но эта легенда жила в набитой книгами квартире с печным отоплением, носила усы, похожие на усы Эйнштейна и старшин времен второй Отечественной войны. *ЮрМих*, как его звали коллеги, был чутким, сердечным, мудрым, добро-ироничным, доступным каждому человеком, доброжелательным и требовательным к себе и другим, прощающим всё, кроме личной непорядочности и научной недобросовестности. Сила его научной одаренности, поразительная широта кругозора и образованность, оригинальность мышления, масштаб личности были не видны разве лишь тем, кто умел не видеть, глядя в упор. Поэтому он не смог стать членом советской Академии Наук, будучи британским, норвежским, шведским и эстонским академиком, вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики.

Происходящая на наших глазах переоценка всех ценностей показывает, что научная и общественная репутация не защищены никакими званиями. Труды же Лотмана по изучению русской культуры и в области семиотики выдержали испытание на прочность в период всеобщей ломки ценностных критериев. Те, кто имел счастье находиться с ним рядом, знают, что это не случайно. Помимо всепоглощающего труда и исключительного таланта, он воплощал в себе единство науки и нравственности, всегда считая недопустимым приспособленчество и конъюнктурность не только в жизни, но и в научной работе.

Юрий Михайлович с честью выдерживал испытание «медными трубами». Его имя стало легендой. Еще при жизни, слава Богу, оно вошло в ряд выдающихся имен XX столетия.. 70-летие ученого было ознаменовано международными конференциями в Венесуэле и Англии. Впрочем, им предшествовали и другие испытания. Годы Отечественной войны, все проведенные на фронте. Вынужденная необходимость покинуть родной город на Неве в начале пятидесятых. Обыск и допросы в начале 70-х. Сотни приглашений за границу, которые нереализованные складывались в папку с надписью: «Письма к русскому путешественнику».

Юрий Михайлович был прирожденный объединитель. Этот его талант проявился в образовании знаменитой Тартуско-Московской школы семиотики и издании всемирно известной серии научных трудов «Семиотика». Он духовно объединял миллионы читателей и зрителей в разных странах мира своими книгами о Карамзине, Пушкине, Лермонтове, Гоголе, телевизионными передачами о русской культуре и интеллигентности, трудами по семиотике и культурологии. В трудах Лотмана редкое сочетание широкой доступности и научной основательности, богатства фактического материала и теоретической обоснованности.

В одном из последних своих интервью Юрий Михайлович говорил: «В объеме хронологии нашей жизни механизмы уничтожения гораздо более действенны. В объеме же хронологических пространств, в которых живет история, или шире – биология, или еще шире – космос, устойчивость проявляется сильнее. Что нам с нашими бедными пятьюдесятью – восьмьюдесятью годами жизни до этих вековых повторений? Есть кое-что. Потому что мы в нашей недолгой жизни включены в гораздо более длительную память». Не знаю, относится ли это к недолгой жизни каждого из нас, но о жизни *Юрия Михайловича Лотмана* можно с уверенностью сказать словами его любимого поэта – Пушкина: «Нет, весь я не умру...»